

84(2Рос=Мен)
к 451

ЮВАН
ШЕСТАЛОВ

Сказки
дедушки

Юван ШЕСТАЛОВ

СКАЗКИ ДЕДУШКИ

Ханты-Мансийская
государственная
окружная библиотека

КО

Ленинград — Ханты-Мансийск

1991 год

Краеведческий
ФОНД

1901

AMERICAN

LIBRARY

СКАЗКА ДЕДУШКИ

Слово народное — пламень дыхания.
Слушайте слово с должным вниманием.

ЭКВА-ПЫГРИСЬ

Живет Эква-пыгрись с бабушкой в лесу. У него нет ни отца, ни матери. Только одна бабушка. «Эква» по-мансийски «женщина», «пыгрись» — «мальчик». Эква-пыгрись — сын женщины, внук бабушки. Живут они в глухой тайге. Там, рядом с их избушкой, нет других домов, стоят только кедры, ели, лиственницы. Высокие деревья. Летом они пахнут смолой, а зимой снегом. Сквозь густые зеленые лапы елей синет кусочек неба — так много на них хвои. Рядом с избушкой бежит-звенит, играя камушками, узенькая таежная речка.

Эква-пыгрись тоже играет. Играет с деревьями — стреляет по ветвям из лука, и тогда на землю падают снежинки... На снегу следы зверей — будто узоры нарисованы вокруг избушки.

«Какого это зверя следы? — думает Эква-пыгрись, рассматривая их. — Наверное, большого — вон какие крупные. А что, если какого-нибудь зверька поймать? Спрошу-ка я у бабушки, как это сделать. Она долго жила, — наверное, знает».

И спросил.

— Научу я тебя, внучек, научу, — сказала бабушка. — Будешь ты сильным, смелым охотником.

И научила. Из жил оленя сделала петли. Рассказала, как их поставить: на Севере наши бабушки знают все охотничьи тайны.

Поставил Эква-пыгрись петли. Целый день не сводил с них глаз. Звери ходят мимо. Слева и справа оставляют следы... Смеются...

Загоревал Эква-пыгрись, ушел в избушку, спать лег. Утром смотрит, а в петле кто-то шевелится. Шерсть длинная, рыжевато-черная, как у пушистой собаки. Скалит зубы, рычит. Испугался Эква-пыгрись, хотел убежать домой, к бабушке. Да вспомнил, что собирался стать охотником. Стыдно ему стало. А зверь тянется к мальчику глазами.

«Что бы сделал охотник? — думает Эква-пыгрись. — Может, зверя палкой припугнуть?»

Стал искать палку. Нашел подходящий сук. Идет с палкой — зверь еще злее зарычал. Ближе подошел — еще сильнее зверь забился. Может, пожалеть его — и он будет добрый? Хотел погладить, а тот как бросится на Эква-пыгрися, как зарычит! Чуть руку не откусил. Зубы у него острые.

«И вправду, оказывается, звери злые», — думает Эква-пыгрись. Собрал он все свои силы и ударил зверя сильнее прежнего. Черные ресницы закрыли злобные глаза... Еле еле взвалил Эква-пыгрись зверя на плечо и понес к избушке.

Дотащил до избушки и спрашивает удивленную бабушку:

— Как звать этого лохматого зверя? Не росомаха ли?

— Отгадал ты, внучек. Росомаха это, — говорит бабушка. — По-мансийски «тулмах» — «хитрый» значит, «злой вор». Как это она тебя не съела? Видно, ты настоящий охотник...

С этого дня Эква-пыгрись каждое утро стал носить домой зверей. То принесет добычу в огненно-рыжей шубе. Это лисица — красный зверь. То в голубой — песца. Это голубой зверь. То принесет он добычу в шубе темной как ночь. Соболя принесет. Это черный зверь.

Так Эква-пыгрись в своем уголке леса стал охотником. Однако бабушка не разрешала мальчику уходить далеко от избушки. Все время учила внука, приговаривала:

— Выйдешь на опушку — далеко не ходи. Там Мэнквы — людоеды живут. Поймают тебя — съедят.

Эква-пыгрись слушался бабушку и далеко от избушки не отходил. Надоест ему играть — домой идет.

Но однажды, играя, задумался он: «А что, если уйти подальше от дома? В лес. Посмотреть, что там, как?» Задумал

— пошел. Идет, посматривает вокруг, удивляется. Лиственницы словно выше стали, кедры словно кудрявее стали. В своих кудрявых головах прячут золотое солнце. Идет Эква-пыгрись среди самых высоких деревьев. За самым густым лесом увидел что-то сияющее, светлое, большое. Быстрее росмахн побежал Эква-пыгрись домой, чтобы про необыкновенное чудо рассказать бабушке.

К удивлению Эква-пыгриса, бабушка сказала просто:

— Это озеро, обыкновенное озеро.

— А что в нем необыкновенного сияет?

— Вода.

— А что в воде?

— В воде тоже жизнь. Рыбы там живут. Рыб тех ловят и едят люди, медведи, чайки...

Тайга шумит, зеленая, как море.
Зверье что рыба в шубе меховой.
А в реках, что сияют, с небом споря
Безбрежной широтой и синевой,
Гуляют осетры, как шхуны,
И нельмы — как серебряные луны.

— А нельзя ли половить рыб нам?

— Почему нельзя. Можно.

— А как?

Просто. Ловушки надо поставить. И на озере. И в нашей таежной речке. В ней тоже рыбы много. Только надо запор сделать.

— А что это такое?

— Это перегородка в речке.

— А как ее сделать?

— Покажу. Только ты помогай. Сил у меня мало стало...

И принялись они перегораживать речку тонкими кольями. Посередине оставили отверстие. В это отверстие поставили гимгу — ловушку, сплетенную из корней.

На другой день Эква-пыгрись пошел смотреть свою ловушку. И удивился: кто-то успел раньше его вытащить весь улов. «Кто-то кроме меня еще есть в тайге, — подумал Эква-пыгрись. — Почему он только в чужую ловушку смотрит? Неужели самому рыбы не поймать?..»

Пошел на берег. Среди кустов запрятался. Сидит. Ждет. И вот что-то зашевелилось. Ожил берег речки: по камушкам прибрежным, по снежку идут три девушки. Легкими шажками идут, озираясь вокруг, ждут, будто кого-то боятся.

Долбят лед, вытаскивают гимгу. А там выются налимы.

Усатые и скользкие рыбы. Вид у них неприятный. Но девушки сбрасывают усатых рыб на берег. Хохочут.

«Интересно: чего они хохочут? И кто это такие? Добрые лесные духи Миснэ или Порнэ — злые духи тайги? Не пойти ли по их следу? И что они будут делать с рыбами? Не про них ли рассказывала бабушка?»

И пошел Эква-пыгрись по их следам. Увидел таежный домик. Залез на крышу и сквозь трубу чувала смотрит вниз. А в чувале уже поленья потрескивают, уха варится. Смастерил Эква-пыгрись удочку и стал выуживать рыбью печень. Один кусок вкуснее другого, один сочнее другого. Ест и радуется. А между тем Порнэ сели за стол. И вместо нежной печени друг друга грубой бранью кормят. Одна говорит: «Ты, наверное, съела!» Другая говорит: «Наверное, ты воровски вытаскала самые лакомые кусочки!» Ругают друг друга на чем свет стоит, сквернословят, бранятся.

А Эква-пыгрись сидит на крыше. Сытый и веселый, ухмыляется над злыми женщинами, над лесными Порнэ. И думает: «Неужели так бывает и среди людей? Неужели и женщины такие коварные? А может, лишь духи лесные такие? И правильно ли поступил я, Эква-пыгрись, будущий человек?»

А печень у налима сочная!..

* * *

— Ну-ка, братцы, скажите: правильно ли поступил Эква-пыгрись, выуживая печень из чужого котла? — Бабушка вдруг заулыбалась. — Ну-ка, кто из вас скажет?

— А я думаю, рыбу ловить хорошо. Воровать — плохо, — сказал тихо Кирилл.

— Воровать плохо! — повторила Агирись.

— Правильно сделал Эква-пыгрись. Нечего им было брать рыбу из чужой ловушки! — кричу я.

Наступила тишина. Слышно было только, как трещит огонь, поедая сухие поленья. Дедушка подкладывал поленья в чувал, кормил огонь и о чем-то глубоко задумался.

— Нет наслаждения большего, чем есть и пить, — промолвил наконец он. — И этим блаженством вознаграждаться должен человек только за свой труд. Запомните эту первую заповедь и передайте другим. Пусть каждый берет лишь свою долю. Брать чужое — злая болезнь, тьма. Жить во тьме, есть во тьме — быть в страхе. А человек должен жить в радости. А радость — в труде. Люди сами пусть создают

себе свою радость: пусть ловят рыбу, охотятся на зверей, строят дома, добывают огонь...

Эква-пыгрись на этот раз ошибся. Простим ему: он, как вы, был тогда мальчиком, человеком неопытным. Для того сказочный мальчик и ошибался, чтобы вам, земным мальчикам, было легче идти по дороге жизни...

Вырастешь ты —
на Оби серебристой
Станешь ловить золотых муксунов.
Может, в лесу повстречаешься с рысью,
И с росомахой бороться готов.

Все ты пройдешь:
И огонь, и ненастье,
Бури и грозы,
И звездную тишь, —
Только в груди
Материнское счастье,
Сердце отца
Навсегда сохранишь!

* * *

Утром мы с Агирись пошли в лес. Снег в лесу пушистый, как заячий мех. Мимо кедров и елей вилась тропа. Агирись шагала весело, бодро. Она читала письма на снегу, словно книгу. Вот глухарь крестик наставил, вот заяц путал след, убегая от кого-то, а вот здесь лиса кралась. Наверное, она зайца хотела поймать... Вдруг деревья расступились, и мы попали на небольшую поляну. На поляне стоял невообразимый шум. Десятки сорок, рассевшись на ветвях деревьев, с криком перелетали с дерева на дерево, будто затеяли веселое игрище. Одна слетит с ветки — на ее месте уже другая покачивает длинным черным хвостом. А на снегу разгуливают вороны. Тоже чем-то взволнованные.

— Сорока кричит, — значит, кто-то на этой поляне есть, — говорит догадливая Агирись.

И правда, скоро на краю поляны, между двумя деревьями, увидели мы пляшущего зайца. Когда подошли поближе, заяц замер, затаращил косые глаза, заурчал, пятясь назад. Одна лапа его была крепко зажата проволоочной петлей. Мы долго смотрели на бедного зайца. Заяц смотрел на нас. Смотрел злобно, враждебно.

— Заячье мясо вкусное! — сказал я тихо, проглатывая слюну. — Давно с охоты не приезжала мама. Все свежее мя-

со у нас кончилось. И всю норму хлеба съели. А магазин далеко. В лесном магазине не пусто. Вот заяц попался. Хорошо!

— Но это не твой заяц. Ведь не ты ставил ловушку?

— Не я.

— И не твой дедушка ставил эту петлю.

— Не мой дедушка. Наши ловушки дальше. Знаю.

— Так и нечего глазеть. Это только сороки да вороны на чужую добычу зарятся. Видишь, как они расшумелись.

— Дома варить нечего.

— Ну и что! Сам поставь петлю. Сам поймай. — Потом Агирись замолчала. Долго молчала, жалобно глядя на зайца, который вновь заплясал на трех лапах, вырывая четвертую из петли. — Неужели тебе не жалко зайца? — жалобно, чуть не плача, сказала Агирись.

Я же охотник. И моя мама охотница. И дедушка был охотником. Я знаю. Мы тем всегда и жили, что ловили зайцев, белок, глухарей, лосей, питались их мясом. Без этого мы бы сразу померли. Это я знаю. Но уж больно просит девочка. И как мне не выполнить ее просьбу? Тем более что ловушка не моя. Пусть себе гуляет косоглазый. Я разжал петлю. Заяц даже несколько раз поцарапал мне лицо. Агирись визжала от радости. И когда мне удалось расслабить тугую петлю и заяц, бултыхнувшись в снег, помчался в лес, она закричала торжествующе:

— Беги да больше не попадайся!

Но я тут же поправил ее:

Беги, беги, заяц!

В чужую ловушку не попадайся,

Мою ловушку находи!

Заяц и я... Мы разные. Заяц должен быть ловким зайцем. А я охотник должен ловить зайцев. Ведь дедушка говорил:

Зайчонок с заячьим сердцем

Трусливым зайцем станет.

Лосенок с лосиным сердцем

Сильным лосем станет.

А сын хорошего охотника

Хорошим охотником станет.

* * *

И охотником ты будешь

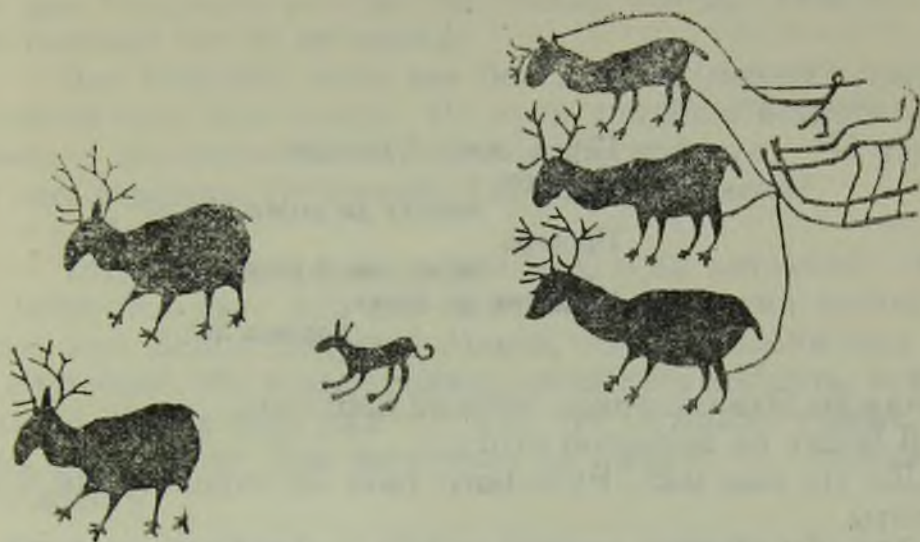
От души — не по неволе.

Разве есть на свете лучше,

Выше этой славной доли?
И к твоим ногам склонится
Сам медведь — хозяин чащи.
Разве есть в таежном мире,
Для людей другое счастье?

Вырасту большим — стану охотником. Большим охотником. Великим охотником!

Вечером мы снова слушали сказку дедушки.

БОЛЬШАЯ ОХОТА ЭКВА-ПЫГРИСЯ

Перед далекой дорогой
Проверь:
 домчат ли лыжи вдаль?
Проверь
 перед рекой широкой:
Надежна ль лодка,
 хороша ль?

Однажды Эква-пыгрись говорит бабушке:

— Я пойду на большую охоту.

— Да ты еще мал. Руки-ноги твои не окрепли для большой охоты.

— Я уже большой, бабушка. Это ты слабенькая стала. И поэтому я тебе кажусь маленьким. Пора мне бабушка, пора!

Видит бабушка: не сладить с упрямым внуком. Куда денешься? Пришлось ей согласиться.

Одела, обула внука. В дорогу сушеной муксуновой кожи дала. На прощание посоветовала идти по той дороге, что у двери начинается, а не той, что за домом лежит.

Довольная, стояла бабушка у двери, глядя, как внук уверенно потянул охотничью нарточку по той дорожке, которую она советовала.

Но только дом скрылся за большими деревьями, как Эква-пыгрись повернул в сторону другой дороги. По той, что за домом лежала, пошел на большую охоту. Решил узнать, почему это его бабушка так не хотела, чтобы он ходил по той дороге: наверное, что-то там таинственное, интересное есть...

И правда. Скоро увидел реку. Она была широкая-широкая. Другой берег еле виден. На реке лед. Лед скользкий.

Недавно, видно, замерзла река. Не успела снегом покрыться. А на крутом берегу уже снег. Она искрится на низком зимнем солнце. А на реке запор стоит.

— Куда идешь, внучек? — вдруг раздался чей-то голос.

Взглянул Эква-пыгрись на берег. И видит: с крутого берега на лыжах катится великан. На плечах у него две головы. Четыре глаза сияют на двух больших светлых лицах.

— Да вот на большую охоту собрался, — отвечает Эква-пыгрись.

— Возьми меня с собой.

— Ладно, дедушка. Бабушка говорит, что я еще мал. Мне как раз товарища и надо. Да только кто ты такой? Я про двухголовых что-то не слыхал.

— Это бабушка тебя все бережет, не говорит правду. А жизнь-то ведь есть жизнь. На пути придется встретиться не только с двухговыми. Я Мэнкв. Лесной дух. И запомни: это моя ловушка. Не трогай. Так возьмешь меня?

— Пойдем.

— Тогда подожди меня немного, я за котомкой сбегую. Захрустел снег под его лыжами, подбитыми мехом с лосиных ног. Бежит дедушка Мэнкв, только головы над ветвями мелькают. Не успело солнце из-за леса мигнуть, как двухголовый Мэнкв был уже тут как тут. Котомку тащит. Семиухий котел несет. Все погрузили на нарту и тронулись в путь-дорогу.

Впереди показалась опять чья-то ловушка. Вдруг что-то зашумело. Взглянул Эква-пыгрись на крутой берег. И видит с пригорка, поднимая снежную пыль, трехголовый Мэнкв катится.

— Внучек, куда идешь? — кричит он издали.

— На большую охоту иду.

— Взял бы и меня с собой. А то вам двоим скучно будет.

— Вот как хорошо! А то я товарища найти не мог. Вместе веселее. Пойдем, пойдем.

— Тогда подождите меня. Я за котомкой схожу. Да нарта ваша уж больно маленькая.

Не успел даже ветерок проснуться, как снова появился трехголовый Мэнкв. Идет Мэнкв — аж снег поскрипывает, земля вздрагивает. Нарту тащит. Большую, крепкую. Полозь у нее из лиственницы, а копылья из кедра.

Сложили вещи, тронули в путь.

В одном месте река опять была загорожена. Только запор

был еще больше. Снег кругом натопан. На снегу рыбы мерзлые валяются.

— Чей это забор? — спрашивает Эква-пыгрись Мэнквов.

— Да это нашего старшего брата.

— Что это вас так много? Всю реку перегородили, по всей тайге ваши следы.

— Нас много. Но деревьев больше.

Где-то что-то опять зашуршало, зашумело.

Эква-пыгрись взглянул на крутой берег реки, а там катится Мэнкв. Лыжи у него еще больше. А меж широкими плечами — четыре головы, восемь светящихся глаз, как восемь круглых луи, сияют на широких лицах...

Сердце Эква-пыгрися забилося крохотной рыбкой. Холодок прошел по спине. Но ласковый голос успокоил его.

— Внучек, куда идешь? — спросил четырехголовый, обращаясь к Эква-пыгрисю. Будто двух других Мэнквов он и не видит.

Ласковое обращение успокоило Эква-пыгрися и придало силы.

— Большой лес ишу. На большую охоту иду.

— Возьмешь меня?

— Вот хорошо, дедушка, — отвечает Эква-пыгрись. — А то я товарища найти в своем лесу не мог. А одному на большую охоту идти трудно. Силы у меня еще маловато.

— Коль ты понимаешь, что сил у тебя еще маловато, коль ты не заносчивый и нуждаешься в товарищах, мы тебе поможем.

Как и те, Мэнкв сходил за котомкой, принес семиухий котел. И снова все тронулись в путь.

Скоро с большой реки завернули в малую таежную речку. Чем дальше, тем речка сужалась все больше, а деревья становились выше, тайга дремучее.

Долго ли, коротко ли шли — Эква-пыгрись чувствует: совсем брести не может, совсем устал.

— Внучек, не поиграть ли нам в загадки? Один человек шел, веревку потерял. Что это?

— Дорога.

— Один человек никогда по дороге не ходит. Что это?

— Посох, который у вас в руке.

— Правильно. Будь моим посохом. Есть одна веревка. С одного конца до другого глаз человека не охватит.

— Дорога.

— Длиннее елей, ниже подорожника. Что это?

— Дорога.

— Длинна ли твоя дорога? Высока ли?

— Не короче жизни моей. Не ниже дороги, которую пройдут ноги мои...

— Видим, ты малец не глупый. Лишь силенок у тебя еще маловато. А мечтаешь о большой дороге, о богатой охоте... Попытаемся тебе помочь. Но не забудешь ли ты нас, когда руки-ноги твои наполнятся силой?

— Не забуду! — ответил Эква-пыгрись.

— Тогда садись на нарту. Повезем тебя. Когда-нибудь и ты, может быть, повозишь нас, когда старыми будем.

Эква-пыгрись сел на нарту. Весело заскрипел снег под полозьями из скользкой лиственницы.

В одном месте Мэнквы остановились. Загадочно взглянули на Эква-пыгрися. И спрашивают:

— Внучек, не узнаешь ли этого места?

— Не узнаю.

— Как же так? Неужели ты ничего не помнишь? А должен бы.

— Как я могу помнить, если я это вижу впервые?

— Разве ты живешь впервые? Э, нет! У тебя были предки... Ты от них производишь. А вот эти деревья помнят твоего ледушку. Он здесь жил...

На берегу таежной речки стояли старые деревья: кедры, ели, лиственницы. Верхушки их пообсохшие, ветки корявые... А под их ветвями старая избушка и сейчас стоит...

Посмотрели Мэнквы и Эква-пыгрись на избушку, отдохнули, дальше пошли.

Солнце поднимается над деревьями, идет по небу, как по лесу, и снова опускается, снова поднимается и опускается, а они все идут и идут по большому лесу на большую охоту.

В одном месте остановились. На полянке, возле корявого кедра стояла избушка. С бахромистых веток кедра вдруг посыпался снежок. На самой верхушке старого дерева сердито залопотала белка, прыгая с ветки на ветку, бросая вниз кедровые шишки. Собака лайка метнулась к кедру, заскребла когтистыми лапами по смолистой коре, неистово залаяла. Белка снова швырнула в нее шишкой, распушила хвост...

— Скажи-ка, внучек: в какое место мы пришли?

— На место большой охоты, должно быть, пришли. Вишь, собака наша как задорно лает и белка на ветвях весело играет...

— Верно, наконец-то мы пришли в лес большой охоты. А домик этот чей, не скажешь?

— Не знаю, — отвечает Эква-пыгрись.

— В домике этом жил твой отец, когда ходил на большую охоту. Здесь мы и остановимся.

Домик был весь снегом покрыт, но не старый. Весело скрипнула дверь, видно радуясь, что ее открыли снова. И открыл ее не кто-нибудь, а сын великого охотника.

И чувал, полупечь-полукостер, что стоял в углу избушки, тоже был не старый.

— Вот мы тебя привели в охотничий домик твоего отца. Сможешь ли разжечь в нем огонь, продолжишь ли охотничью человечью тропу отца, зависит от тебя.

Эква-пыгрись принес сухих веток, дров. Не торопясь, разжег огонь. Чувал, похожий на женщину в стерляжем халате, задымил, весело закричал, довольный новой жизнью.

— В большой дороге много сил уходит. Силы можно вернуть лишь теплом горячего чая. Давайте чай варить, — говорит старший, четырехголовый, Мэнкв. — Ну-ка. Эква-пыгрись, ты всех младше. Сбегай, принеси семиухий котел!

Хотел Эква-пыгрись сказать, что не принести ему большого котла, но постеснялся, побежал за котлом. Думал, не поднимет — позовет младшего брата. А младший брат рядом, глядит уже, чтобы помочь... Силы у Эква-пыгрися сразу прибавились.

Принес Эква-пыгрись семиухий котел. По дороге наполнил его снегом и над огнем повесил. Потом Эква-пыгрись еще раз выбежал на улицу, из-под глубокого снега нарвал зеленоватых листьев брусники. Принес их в дом, в котел бросил. К ароматному запаху дымка примешался аромат брусничных листьев.

Чай был вкусный, таежный. Ахали и охали довольные Мэнквы, уставшие с дороги.

— Спасибо, внучек! Уважил. А если бы отказался нести котел, сразу бы лентяя в огонь сбросили. Но ты оказался работающим. Отдыхай.

С этими словами и спать легли...

Утро настало. Эква-пыгрись слышит сквозь сон:

— Ты что, спать-почивать в большой лес пришел? Разве охотник так долго спит?

Эква-пыгрись вскочил с мягкой постели, ругаться стал.

— Ты чего меня учишь? — закричал он дерзко. — Если одной рукавицей о другую потру, конец тебе будет!

— Ух ты! — удивился Мэнкв.

Вышел он на улицу с другими Мэнквами, о чем-то долго говорили они. Потом пришли, один говорит Эква-пыгрисю спокойно, тихо:

— Собачку свою привяжешь к той лиственнице, на которую я лук свой вешаю.

Выбежал Эква-пыгрись из избушки, а Мэнквов и не видно. Ушли. Вдруг видит: собака его на дерево лает, на то самое дерево, на суку которого четырехголовый лук свой вешал.

Взглянул мальчик наверх — там соболь сидит. Рукавицу одну о другую потер — соболь упал. Пошел домой с соболем, сидит у огня, снимает шкуру, думает: «Отберут они у меня соболя. Мэнквы — злые лесные духи. Недобрый лесной народ. Я шкуру, пожалуй, спрячу. Куда бы спрятать? А под стельку суну».

Снял няры, сшитые бабушкой из лосиной кожи, мягкую соболью шкурку под стельку кисов спрятал.

«Что же мне сделать для Мэнквов? А то совсем обозлятся. Скажут, бездельник. А, котлы повешу над огнем, снег растоплю, воду заготовлю».

Семиухие котлы снегом набил, над огнем повесил. Снег таять начал. Скоро вернулись с охоты Мэнквы.

— Эй, Эква-пыгрись, глотки у нас пересохли, языки во рту не ворочаются. Пить хотим. Не приготовил ли ты нам водички?

— Пожалуйста! — протягивает Эква-пыгрись большой деревянный ковш с живой водой. — Пейте, дедушки, на здоровье!..

Ахали, охали Мэнквы. Все котлы до дна выпили.

Благодарили за воду. Потом двухголовый Мэнкв говорит:

— Ну, пора снимать охотничий пояс.

Когда двухголовый стал снимать пояс с медными амулетами, из-за пазухи посыпались росомахи. Выше щиколотки завалило избу росомахами.

— И я сниму-ка пояс свой! — говорит трехголовый Мэнкв.

Когда трехголовый развязал, снял охотничий пояс, украшенный серебрянными амулетами, из-за пазухи его посыпались черные соболи. По пояс избу завалило.

Смотрит Эква-пыгрись — глазам своим не верит: столько зверья принесли охотники!

— Обдирать шкурки будем, — говорит старший Мэнкв.

Сели Мэнквы у огня, снимать шкурки начали. Эква-пыгрись снова котлы снегом набил, над огнем повесил. Снег растаял, котлы закипели. Опять повеяло душистым тасжным чаем из брусничных листьев. Напились чаю, спать легли.

Вдруг Эква-пыгрись слышит сквозь тяжелый сон:

— Что ты, внучек, так долго спишь? Охотники разве спят столько?!

Эква-пыгрись вскочил, кричать начал:

— Что меня, старый, учишь? Сам знаю, когда вставать. Вот возьму рукавицу, потру одну о другую — и конец вам всем!

— Ух ты! — воскликнул младший Мэнкв. — Еще держишь! Смотри, а то мы тебя, как отца твоего!..

Потом они вышли на улицу, о чем-то пошептались. В избу вошел только трехголовый, говорит ласково:

— Внучек, как пойдешь на охоту, собаку свою привяжи к той лиственнице, на которую я лук тугой свой вешал. — Сказал и скрылся.

Вышел Эква-пыгрись на улицу. Слышит, собака лает. Посмотрел на вершину лиственницы — там соболь сидит. Рукавицы друг о друга потер — соболь упал. Ободрал шкурку и про себя думает: «Они хотя и убивают много черного и красного зверя, а мне, пожалуй, и не дадут. Да и это могут отнять. Мэнквы — злой лесной народ духов... Запрячу-ка и эту шкурку под стельку. Я хоть этих соболей отнесу бабushке».

Снял няры.

Соболем шкурку под стельку кисов сунул. Котлы снегом набил, к огню подвесил.

Вечер настал. Младшие Мэнквы показались. Идут, пересмеиваются, ехидно поглядывают на Эква-пыгрися.

— Ну и хитрец ты, ну и хитрец! Сколько соболей под стельками запрятал?! А?!

Пришел старший, ругаться стал на младших:

— Вы чего это смеялись? Я знаю, что задумали. Но если сделаете, смотрите, конец вам будет. Да, хитрит Эква-пыгрись, обмануть нас хочет. Глупый он еще. Да и вы не умнее. Жить нам надо в одном лесу. Убьешь его. — он вновь родится. Медведем, волком или там еще каким-нибудь страшным зверем рыскать будет по нашему лесу. Пусть лучше будет человеком. С человеком легче сладить.. Убить его не вздумайте. Попробуйте с ним найти общий язык, Поладить надо с ним...

— Нет, зачем! Мы его трогать не будем.

Воду пили с наслаждением. Ахали, охали. Благодарили Эква-пыгрися, что воду приготовил. Росомах, лисиц, соболей еще больше вчерашнего принесли. Шкурки поснимали. Спать легли. Утром встали, говорят Эква-пыгрисю:

— Нам больше охотиться нельзя. Еды у нас не осталось. Давай твою котомку посмотрим, что у тебя там есть.

Эква-пыгрись котомку развернул, вяленого муксина вытащил, на стол положил.

— Э, внучек, какую еду ты имеешь. Муксун! Такой большой муксун!

Есть принялись. Ахают, охают Мэнквы, хвалят вкус муксуна, Эква-пыгрися хвалят:

— Ну, внучек, уважил ты нас. Такой вкуснятиной угостил. Уж как ели, а всю рыбу не съели. Не колдун ли ты? Ну да ладно!

Обратно остаток положили.

— Теперь мы делиться добычей будем.

Мэнквы шкурки соболей, лисиц, росомах принесли. Лучшие шкурки отобрали. Эква-пыгрисю дают:

— На, возьми, внучек. Тех соболей, что сам убил, тоже у себя оставь...

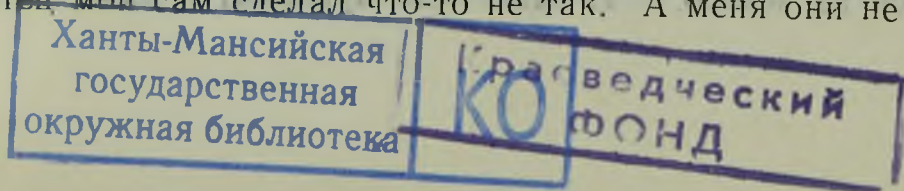
Эква-пыгрись смутился, глаз от стыда поднять не может.

— Не смущайся, — говорит четырехголовый. — Ты хотел схитрить. Ты человек. Человеку свойственна хитрость. Нас, лесных духов, не обманешь. Однако и мы перед тобою бесильны. Ты можешь быть не только хитрым, но и мудрым. Вырастешь, мудрым станешь — не обижай нас... А пока возьми в подарок от нас часть нашей добычи. Домой придешь — пусть бабушка тебе шапку сошьет, рукавицы пусть сладит, одежду всю справит. Одежду из мягких соболей, лисиц наденешь, шапку на глаза надвинешь — ни один земной человек тебя не увидит. Ну, а теперь — нагружаться и по домам!

И пошел каждый к своему дому с груженной мехами нартой. Пришел Эква-пыгрись в свою лесную сторону, зашел в избушку. Бабушка ругается, бранится на чем свет стоит:

— Ты чего там ходил, что искал? Просила же тебя не ходить по той дороге. Там Мэнквы, злые лесные духи, живут. Они лишили твоего отца светлой жизни. И ты туда же. Не послушался, пошел.

— Бабушка, лесные деды не такие уж и злые. Может, отец мой сам сделал что-то не так. А меня они не тронули.

В отцовскую избушку привели. Дедову дорогу показали. Соболей, лисиц надарили.

Бабушка со слезами радости усадила внука за стол, кормила, поила, ласкала.

Эква-пыгрись поел и говорит:

— Бабушка, ты из соболей мне шапку сделай. И себе сшей теплую одежду. Не забудь мне сделать волшебные рукавицы. Как будет готова моя одежда, я пойду по земле мир посмотреть, с людьми и с духами хочу познакомиться. Хочу узнать, почему люди борются друг с другом. Почему трудно в мире найти язык дружбы и понимания.

* * *

Мы с Агирись и Кириллом выбегаем на улицу. За нами следом собаки... Бросаемся снежинками. Валим друг друга в снег.

Эй-хо-хо! На веселом снегу заволновалась, зашумела ребячья толпа. Суматоха снежная по кругу пошла. Хохот слышался, вопль и вой: все игрой, борьбой занялись. Бурное веселье заиграло. Заликовало снежное игрище:

Эй-хо-хо!

Кто меня одолеет? А ну!

Кто меня посрамит? А ну!

Кто тягаться со мной вздумает? А ну!

Кто из вас борец? А ну!

Кто из вас бегун? А ну!

Кто из вас скакун? А ну!

Кто драться захочет со мной?

Буду драться с любым. А ну!

Кто хочет стрелять — стреляй!

Кто хочет бежать? Беги!

Кто захотел меня

На игрище победить? А ну!

Кто захотел меня

В борьбе одолеть? А ну!

* * *

У меня есть атя — папа. Атя большой. Голова у него черная, кудрявая. Руки сильные. Ноги быстрые. Станет на лыжи — лося догонит. Соболю от него не может уйти. Даже великий медведь складывает перед ним свои могучие лапы... Сильный у меня папа. А запоем — жаркий небесный костер опускается на землю. И само лето приходит в наш вечно

снежный край. Северное лето короткое, как сладкий сон. Но сладкие сны мне все снятся. И лето на Север приходит. Не во сне, а на самом деле бывает на Севере лето. Сам помню. Помню, как помнят сны.

ЗАПОВЕДЬ МАТЕРИ

О сын мой...
Послушай сказки,
Таежные сказки дедушки
О светлой воде,
Где плещутся рыбы,
О тихой тайге,
Где играют звери.
Послушай сказку
О тишине и мире.

* * *

И вот мы снова у огня.

Дедушка достает кисет, сшитый из замши. Бросает щепотку. Избушка наполняется запахом пахучего табака. Угостив богиню огня табачком, Ась-ойка начинает нюхать сам. Огонь, стреляя искрами, будто чихает, как дедушка. И бабушка чихает. Только собака лежит спокойно, глядя грустными глазами на дедушку. Тоже, наверное, хочет табаку. Раза два я пытался ей дать, но Ась-ойка ругается. Говорит, собаку баловать нельзя, чутье на зверя потеряет. А то, что скажет дедушка, для меня закон. Я знаю: если не буду слушаться, сказки больше не услышу, волшебства жизни не изведу. А табаку и сам я не хочу: знаю, он горький, невкусный, нужен-то мне? Я люблю сладкое. Конфеты, например. Я знаю, они такие волшебно сладкие, как в сказке.

Когда слушаешь сказку, всегда растешь. Растешь быстро, высоко. Я хочу вырасти скорей и пойти по земле и по небу. Я принесу на землю не только северное сияние, но и конфеты, и хлеб. Чтобы у всех было много конфет и хлеба. Хорошо, когда никто не голодает! Дедушка говорит: «Сначала научись понимать себя. Поймешь себя — другие перестанут быть загадкой. Сначала выслушай думы своей земли. Сначала научись распознавать чудовищ своей земли. Своих познаешь — другие перестанут быть загадкой. Об иноземных чудовищах расскажу потом. И нашу сказку завтра кончать будем. А пока спать. Сон тоже сказка...»

Утро. В чувале прыгает красная лисица. Она, разгоряченная, бежит, несется. От нее исходят волны тепла. Тепло ласкает ноги, руки, расплывается по телу, как волшебная сказка.

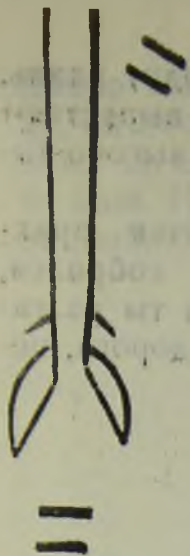
— Давай, дедушка, Расскажи сказку! — требую я, глядя то на огонь, то на Ась-ойку.

— Где кончал? Не помнишь? — спросил дедушка как бы между прочим, не отрываясь от дела. Он плел гимну — ловушку для рыб.

— Где кончил сказку? — переспрашиваю я. — Да в том месте, когда Эква-пыгрись на большую охоту ходил.

— А-ха! — произнес Ась-ойка и надолго замолчал. Мы с Кириллом замерли в молчании. В тишине, какая бывает только в безветренной тайге, где ни один звук не прорывает священного безмолвия великого Севера, ожили слова новой сказки.

ДОРОГА

Хорошего коня
На длинной веревке обучают.
(Клубок ниток)
Сколько ни мотай клубок,
А нитки не кончаются.
(Дорога)

Вырос Эква-пыгрись. Стал большой, словно дерево. А глаза все зовут его вдаль.

— Наверное, ты хочешь землю глазами померять, — говорит ему бабушка. — Хочешь, так езжай. Кому-то надо нашу землю посмотреть, какая она стала.

Нашел Эква-пыгрись коня на лужайке и сам его вымыл до блеска. И белое пятно, что было на лбу коня, засияло. Будто это серебряный месяц, словно это само золотое солнце... Сел Эква-пыгрись на коня с пестрыми боками.

Кланяется старуха внуку. И с вещими словами дает ему в дорогу шкурки мамонта, ястреба, щуки... А еще дала она обломок миски и сказала:

— Долго ли, коротко ли будешь ездить — на обратном пути возврати данные тебе вещи. В беду попадешь — вспомни меня. Счастье будет — не забывай полученное от других...

«Зачем эти наставления? — думает юноша. — Неужели всю жизнь будет она меня так поучать?!»

Мчит Эква-пыгрися конь туда, куда клонится голова, куда гнется его шея. Летит конь по земле, летит среди бегущих облаков. Радует Эква-пыгрись простору, ласковому ветру, свободной жизни. И думает, что всегда так весело будет.

— Хорошо в пути, — вдруг по-человечески молвил конь. — Глаза смотрят и прозревают. Уши в пути слушают и учат-

ся слышать. Ум в пути смекает и рассуждает, уходит вдаль, постигает новую истину. А у сердца словно вырастают крылья могучей птицы. И оно, счастливое, парит высоко-высоко...

Только в жизни и зло бывает, а в пути случаются приключения. Если ты, человек, в дальнее странствие собрался, путешественником себя назвал, подумай, готов ли ты разгадать загадки, которые таит в себе, словно вечная дорога, неизвестность.

ЗАПОВЕДЬ БАБУШКИ

Эй-хо-хо!

Не богач,

не силач —

Ты другим знаменит.

Весенней водой

Твое имя звенит.

Золотой твой ум

На конях полетит золотых.

Вот они —

Я не выдумал их.

Окаймленные перьями ястреба стрелы —

Их тела.

Блещут молнии. Кони летят.

Расступается мгла.

Впереди,

позади

Пляшут блики и тени.

Пляшет сердце в груди...

Круг полярный

захвачен круженьем.

Жизнь летит,

Как по небу звезда...

И дорога ума твоего

Не замрет

никогда.

* * *

Мама уехала на таежную речку на лошади соседей. Ее конь остался в деревне. И мы с дедушкой его кормили. Это колхозный конь. Но он и наш. Я помню, как он родился. Его принесла наша старая белогривая лошадь. Я любил играть с резвым жеребеночком. Потом отец вместе со всем нашим скотом сдал его в колхоз. Я видел, как мама переживала, проходя мимо скотного двора, всегда заглядывалась на своего коня. И я скучал по своему коню. Ведь он меня знает.

Давно знает, как небо, как солнце, как ветер. Когда подойду, он ласково лизнет меня. Очень доволен, даже счастлив (я вижу по его глазам), что мы взяли его на промысел. Колхоз-то наш. И конь с нами. Хорошо. Только мне никак не сесть на любимого коня.

У меня есть конь.
Крылатый конь.
Но красуется конь мой не крыльями,
А быстрыми как молния ногами.
Из-под копыт звезды сыплются.
И в глазах — звезды.
А на лбу одна большая рыжая звезда.
Когда летит звезда, облака качаются.
Хвост моего коня — длинное белое облако.
Грива — радуга.
Спина белая — горностаевая.
Скачет мой конь, будто соболю.
Нет, конь не скачет —
Летит, как стрела
С орлиным пером...
Орлом летит конь мой.
И я хочу летать орлом.
Только мне никак не сесть
На любимого коня,
Крылатого коня.

ХОТИТЕ ЖИТЬ—БУДЬТЕ МУДРЫМИ ОХОТНИКАМИ

Жила-была Калтысь-эква — мать Земли, сестра Верхнего Духа, Торума, бога неба. У Калтысь-эквы было семь сыновей. Большая это семья. Кормить ее надо. Одними орехами да ягодами мужчин разве прокормишь! Однажды она решила спросить у Торума, Верхнего Духа: «Чем кормиться сыновьям на этой земле?» Послала гонцов в звездное небо. Хозяин неба Торум ответил: «Хорошо. В болото, которое находится возле вашей деревни, я спущу оленя с олененком...»

Сказано — сделано. Появились в болоте ветвисторогий олень с розовым олененком. Ожило все кругом. Травы хрустели, будто пели. Птицы свистели, живую весть друг другу передавали. И стоял олень среди мхов, как живое изваяние. А рядом пасся розовый олененок.

Но однажды все снова замерло. Пришли сыновья Калтысь-эквы с луками и стрелами и убили оленя с олененком. Вкусным, видимо, было мясо оленя. Снова богиня Земли шлет гонцов в звездное небо, в звездный мир, на высокое небо. Снова просит Торума спустить на болото оленей.

Разгневанный Торум отвечает: «Что это вы за олухи?! Не успел вырасти олененок — вы его съели. Попасли бы вы его — вырос бы и новых оленят принес бы. Целое стадо было бы около вашей деревни! Коль неразумны, идите в лес. Следы диких оленей мудренее, тайга дремучая, снег толстый. Если хотите жить, охотьтесь! Вам отдаю тайгу с черным и красным зверем. Если вы настоящие мужчины, стыдно роптать на судьбу, выпрашивать себе пищу. Берите лук и стрелы — и айда в тайгу, да охотьтесь с умом, детенышей не уничтожайте». С тех пор сыновья тайги стали мудрыми охотниками.

* * *

О великий лес!
Пошли мне удачу!
Мелкого зайца дашь —
Не заплачу...
В придачу
Попрошу зверя
покупнее,
Попрошу зверя
пожирнее.
Будет сытнее,
Если лося дашь.
О великий лес!
Пошли мне удачу!

* * *

Я смотрю на нары, устланные травяными плетеными циновками и оленьими шкурками. Под потолком висят шкурки белок, горностая и одного соболя. Мама на днях привезла. Шкурки сушатся, потом их сдадут приемщику. Из шкур сшита вся моя одежда. Малица — моя рубашка из меха мо-

лодого оленя шерстью внутрь, с капюшоном и рукавичками. Когда слишком большой мороз, сверху малицы надевают гусь. Гусь шит так же, как и малица, только мехом наружу.

«Медвежонок и только!» — воскликнул русский дядя, который приезжал на днях на вороном коне.

«Нет! Я не медвежонок! — закричал я. — Я человек! Это малица моя из шкур. У нас все из шкур, много зверей в тайге».

Горит огонь. Летят искры. Вдруг дедушка снова заговорил не сказочным слогом, а как обычно:

— Издревле в наших лесах соболя, белки, горностая, выдры, росوماхи, лисицы, медведя много...

Даже речной бобер есть в мансийской тайге. Он так же, как тысячу лет назад, острыми зубами валит столетние сосны, строит плотины, любитесь на озеро, обжитое его бобровым семейством. Говорят, в других местах бобер исчез. Каким чудом сохранился он в мансийской тайге? Может быть, наказал так сам Эква-пыгрись?

Настанет новый век. Об Эква-пыгрисе уже никто не вспомнит. Не разучится ли бобер быть мастером? Не замолкнет ли охотничья песня? Может, она по-новому зазвучит?

Дедушка замолчал, задумчиво вглядываясь в огонь.

* * *

Мысли черные гони,
В них не сыщешь прока.
Имя доброе храни
Как зеницу ока,
Береги,

как сына мать
Бережет от века.
И нигде

не смей терять
Званье человека.

ЭКВА-ПЫГРИСЬ ПРИВОДИТ РЫБ

Доехал Эква-пыгрись до моря. Посередине моря стоит стол. На столе лежат палочки, дощечки. Эква-пыгрись рассматривает их, как будто считает. А на дощечках рисунки,

волшебные знаки жизни. Читает их Эква-пыгрись и поглядывает под стол.

Под столом живая вода. А в воде новая жизнь, новая сказка. Рыбы плавают. И захотелось Эква-пыгрисю поплавать с рыбами. Достал юноша из кармана шкурку щуки, натянул ее на себя и нырнул в море. Увидел маленькую щуку, та отпрянула от него и стрелой в сторону. Он догнал ее. Та в испуге раскрыла пасть и замерла в ожидании смерти. Эква-пыгрись ласково обратился к ней:

— Чего ты испугалась? Поплывем вместе.

Рыба удивилась: впервые она видела миролюбивую щуку. Поплыли вместе, подружились. Разные рыбы круглыми глазами глядели на безобидных щук, подплывали к нему и плыли дальше рядом.

Удивился даже сам граненый осетр мирной щуке и тоже поплыл вслед. И серебряная, сияющая нельма составила компанию. Косяки язей, сырков, муксунов потянулись вслед за щуками...

Долго ли плыли, коротко ли плыли — видят берег. На берегу люди. Одежда их протерта, дырява. Лица изможденные. Руками, съеденными холодной водой, тянут они невод.

Эква-пыгрись снимает шкурку щуки, выходит на берег.

— Пася олэн! ¹ — обращается он к рыбакам.

— Пася, пася! — приветливо кивают рыбаки. — Пумасипа, ятил пыг! ² Спасибо, наш богатырь, за рыбу, которую ты привел. Отныне наш стол будет богатым: и жирным осетром, и нежной нельмой, и муксуном, и сосьвичинской селедкой, тающей на языке. Пумасипа тебе! Много раз спасибо!

Ты человек,
И этим ты можешь гордиться:
Все земные заботы
Лежат у тебя на плечах.
Слышишь звонкие всплески?
Это рыба в воде нерестится.
И выходит медведь на поляну.
И счастливые птицы кричат.

Утро. Я чувствую, что уже настало утро, хотя в нашей избушке еще темно. Но я вижу, как сквозь ледяное окно пробивается тусклый свет. Наше окно вместо стекла заставлено льдиной. Днем льдина неплохо пропускает свет. Дедушка говорит, что льдина лучше стекла — дешевле, теплее и не замерзает. Когда льдина покроется инеем, то его соскаблива-

¹ Живите, здравствуйте.

² Спасибо, дорогой сын.

ют, и она становится совершенно прозрачной. А стекло на большом морозе обмерзает так, что его не отскоблишь. Если льдина от оттаивания и отскабливания делается слишком тонкой, то ее всегда можно заменить.

В чувале еще не играет огонь. Холодно. Встает бабушка. Скрипит дверь, и вдруг, как в сказке, в избушку льется свет. «А-а, — догадываюсь я, — это Анеква открыла трубу чувала». Чувал на ночь закрывают куском дерна на длинной палке. Бабушка разводит огонь. На крюк, прикрепленный к длинной палке, висящей поперек трубы, бабушка вешает чайник.

Анеква внимательно осматривает нашу обувь, которую вчера вечером она вывешивала сушить. Обувь наша состоит из меховых чулок и кисов. За ночь шкура на меховых чулках твердеет, съезживается. Руки бабушки — мастерицы. Они мнут, мнут шкуру, и меховые чулки снова, как в сказке, мягкие, нежные, теплые. Потом Анеква кладет в кисы сухую травку. Эту травку тоже она запасала. Осенью, когда трава созрела. Травки на целую зиму много нужно. Травку часто меняют в кисах. Свежая, тонкая соломка шевелится и дает меху тепло. А бабушка хочет, чтобы нам с дедушкой было тепло. И делает свое дело не только по обязанности, а так, по доброте своей.

«Человек должен знать не только свои права, но и обязанности», — любит говорить дедушка.

Я знаю. обязанность Анеквы — вставать первой по утрам, растапливать чувал, готовить обувь... Это обязанность всех женщин, и придумал ее не дедушка, а идет это еще со сказочных времен.

Мне жалко бабушку. Утром очень неприятно вылезать из-под теплых постельных шкур. Холодно.

Но что поделаешь, раз такой обычай, что женщины должны вставать первыми...

Зато она, наша Анеква, не будет мерзнуть на морозе, когда мы с Ась-ойкой пойдем на рыбалку. Сегодня дедушка обещал взять меня на речку, где установлен его вар. Вар — это запор из кольев, которым перегорожена узкая зимняя речка. Там стоят гимги — ловушки, сплетенные из тонких прутьев и корней.

Речка рядом, и ловушки рядом. Не надо ехать, надо просто идти пешком. Дедушка зачем-то прихватил с собой пустые санки. К санкам привязаны пешня и черпалка для льда. С обрыва я скатился на санках, летел как ветер. Ря-

дом со мной летела моя собака. Она ликовала оттого, наверное, что наконец-то мы вышли на промысел. На реке снегу мало. Первый месяц зимы. Не успела метель нагнать торосы, по которым трудно будет ходить. А сейчас идем, будто ка-тимся. Кажется, даже слабая поземка помогает идти. Поначалу она всегда приятна. Чуть холодит лицо. Лицо пылает. Солнце словно замороженная морошка. Светит, но не греет. Снег искрит. На снегу синие тени деревьев. Тени длинные, неправдоподобные. Вот и наш вар. Колья с нахлобученными шапками снега торчат, как маленькие богатыри, вставшие в ряд стеной. Варом называют и ограду из частокола, и крепость со стеной. Это в сказках. А здесь, на реке, вар тоже стена. И рыбе не пройти. И на нашу радость, она заходит в гимгу.

— А какой у нас сегодня будет радость? Большой или маленькой? — спрашиваю я Ась-ойку.

— А это зависит от того, как мы с тобой потрудимся... Ну-ка, где у нас пешня?

Дедушкины глаза всегда полузакрыты. Его все считают слепым. На самом деле он как зрячий. Покажи ему где — рукой дотронется и начнет делать, будто все видит.

И на этот раз так же. Я только показал ему то место, где была в тот раз майна, и в его руках заплясала пешня, из-под клюва ее полетели осколки изумительной прозрачности и чистоты. Вот и забулькала вода. Еще мгновение, и дедушка говорит:

— Ну, а теперь твоя пора потрудиться. Бери-ка черпалку, вычерпывай лед из майны.

Я достаю черпалку. Она тяжелая. Особенно когда подцепишь куски искрящегося льда. И все же я поднимаю ее.

— Молодец! — говорит Ась-ойка. — Будет из тебя рыба-бак...

И снова пляшет пешня, и снова летят хрустальные льдинки. И за наш пот, за старания река одаривает нас сверкающими рыбинами.

Серебряный муксун беспомощно лежит в гимге, слабо шевеля хвостом. Зато три золотистых язя так отчаянно трепыхаются, что летят брызги, превращающиеся на наших лицах в ледяные бляшки. Капельки воды, словно бисеринки, застывают на тоненьких прутьях, и вся гимга кажется стеклянной. Я достаю из гимги рыб. Вода течет по теплым моим рукам. Вода тает, а руки леденеют. Я достал всего четырех рыб, а рук уже не чувствую. Бросаю на лед еще трех сырков.

Они на глазах покрываются ледяным панцирем. Серебряная чешуя тускнеет, а плавники, наоборот, покрываются серебряной пылью. Все очень странно.

Но труднее всего брать налима.

В речке плавает налим,
Длиннохвостый подхалим.
То совьётся колесом,
То заляжет мертвецом
И глядит, едва дыша...
Ох и скользкая душа!

А окунь не скользкий, а колючий. Его тоже нелегко брать. Окунь сердито топорщит колючки и пучит янтарные глаза. Полосатое его тело так и отливает металлическим блеском. А спина кажется колчаном с множеством острых стрел, готовых пронзить не только мои руки, но и меня самого. И все же я достаю из гимги и эту колючую рыбку. Его плавники горят, будто волшебные огоньки.

А сорогу брать легко. В нашей обской воде есть рыба по имени сорога. Это не плотва — она больше. Это не язь — она меньше. Про нее говорят, будто в рыбьем царстве она слышет сплетницей.

В нашей рыбистой Оби,
В золотой ее глуби,
Есть сорока с длинным ухом,
Подставляет ухо слухам.
Все подслушает везде.
Мчит, как лыжница, в воде.
Знает всё в глубинах вод,
Где, когда и кто плывёт.

Рыбы живут в воде.

У каждой рыбы свой характер. Добрые и злые, величавые и мелкие... «В людях есть что-то от рыб», — часто говорит дедушка.

Прыть хариуса-молодца
Нам по душе пришлась.
И от налима-хитреца
Есть кое-что у нас.
Глаза тайменей молодых
Прекрасны, как цветки.
Ты можешь сам увидеть их —
В сынах моей тайги.
И бисер ярче зимних звезд,
Точь-в-точь как чешуя.
Твоя коса как рыбий хвост,
Красавица моя.

ЗАПОВЕДИ БАБУШКИ

Навсегда из сердца вырви страх перед морозом и водою — ледянистою водою, где резвится большая рыба...

После доброго улова, трудного улова рыболова спи на шкурках, ешь строгатину, ухой душистой наслаждайся.

А вечером у волшебного огня нашей маленькой избушки мы все ели уху из рыб, которых, как рассказывали легенды, привел когда-то в наш край Эква-пыгрись, и слушали снова сказку.

* * *

Я Эква-пыгрись, сын женщины я.
В сказочной мгле дорога моя.
Шел по земле я за годом год.
Был мне чумом небесный свод.
Я птицей к тучам взлетать любил,
Волшебным медведем
и рыбой был.

Взлетают птицы — круги, круги...
Проходят лоси — шаги, шаги.
Но я человеком иду по земле.
Дорога моя в сказочной мгле.
Но отыскать вы меня могли б
По следу птиц и сказочных рыб.

* * *

Дошел Эква-пыгрись до места, где небо и земля будто вместе сходятся. Смотрит и глазам не верит: опять куда-то стремится небо, опыть куда-то бежит земля. Неужели у земли нет края, а у неба конца?

Вдруг видит: между небом и землей — огромная дыра. В нее вделан железный перевес¹ сверху донизу натянут. Даже зорким ястребиным взором не заметишь его сразу. У перевеса сидит ловец.

«Убью! Убью!» — говорят его глаза, жаждущие добычи.
«Поймаю! Поймаю!» — трясутся его руки, видно задушив-

¹ Сеть для ловли уток, гусей. Ее вешают на просеке меж деревьев.

шие не одного зверя, не одну птицу. Видно, ждет он гусей, лебедей, уток...

Эква-пыгрись из кармана вынул шкурку ястреба железного. Забрался в шкуру, полетел прямо на железный перевес. Когда Эква-пыгрись коснулся железных ячей перевеса, ловец опустил свою ловушку. Обрадовался, что поймал ястреба. Забрался в шкуру, полетел прямо на железный перевес. Ными когтями успел разорвать их. Злой ловец бросился за Эква-пыгрисем, чтоб схватить его. Эква-пыгрись залез в шкурку щуки и нырнул в озеро.

Плывет по озеру и удивляется мертвой тишине. Ни всплеска, ни рыбы... Куда они делись? Запахло железом. И он опять оказался в железной сети...

Вышел на берег, взад-вперед ходит, смотрит. Видит, домик стоит, рядом избушка на курьих ножках...

Пошел туда. В доме сидят старик со старухой.

— Э-эй! Эква-пыгрись, внучек! Крылатой ли птицей ты сюда принесен, рогатым ли зверем ты сюда доставлен?

— Растущий человек разве ездит по одним и тем же местам, разве плавает по одним и тем же водам? — говорит Эква-пыгрись. — Сам пришел.

— Садись, внучек. Будь гостем!

Вышла старуха на улицу, принесла уток, гусей. Ощипала их... Когда сварилось пахучее утиное, гусиное мясо, она сложила его в две деревянные чашки. Одну подала ему со словами:

— Хорошенько ешь, внучек! Не ломай кости.

Поели, попили. Кости из двух блюд старуха сложила в одно, вынесла на улицу. За домом озеро с живой водой. Высыпала она кости в озеро. А из воды вылетели живые утки. живые гуси.

— Хорошо! — молвил Эква-пыгрись. — Теперь я знаю: все в мире рождается, умирает и вновь рождается... Только не надо ломать основу жизни. Тогда вечно богатыми будут наши земля, вода, лес...

* * *

И пускай твоим дарам
Да не будет счета.
Воспитай в себе, сынок,
Кротость и заботу.
Милосердно охраняй
Всё, что в мире дивно, —
И гусей, и собак,
И иную живность.

СЛОВО ЭКВА-ПЫГРИСЯ

Лечу!

На оленях золоторогих лечу.

На карте поющей лечу!

Через реки с рыбьими глазами лечу.

Мимо журавлиных болот лечу.

Мимо лебединых озер лечу!

По крутым берегам,

где бобры играют, лечу!

На деревьях глухари токуют,

Горланят, а я лечу.

Пучеглазые зайцы смотрят,

Удивляются, как я быстро лечу!

Не знают они:

сердце моё,

сердце Эква-пыгрися,

Над землей летит.

Синюю весну

на золоторогих оленях,

На которых лечу.

встрече-е-чу!

* * *

Едет Эква-пыгрись, видит: горы. Высокие горы, заснеженные. Долго ли, коротко ли поднимался по крутым склонам—наконец достиг вершины.

Там по белому снегу рыжими лисенятами бродят стада звезд, на волнах облаков легкой лодочкой плавает серп луны. И вдруг юноша видит: какой-то старец запрягает в маленькую нарту собаку и едет к нему.

— Эй, Эква-пыгрись, внучек! Крылатой ли птицей принес ты сюда, летающим ли зверем ты сюда доставлен? — заговорил старец, подъехав к нему.

А борода у старика белая-белая.

— Молодой человек разве ездит по одним и тем же местам, разве плавает по одним и тем же водам? Сам пришел, — отвечает Эква-пыгрись, не сводя глаз с удивительной нарте, где сияет солнце. Сидит солнце в нарте, а собака его возит.

— Погоди, внучек! Пойдем ко мне в дом. Будешь гостем.
Открыл старик двери, крикнул:

— Люди, не обижайте, моего гостя! Кормите, поите его!.. Старик уехал, а Эква-пыгрись остался у него в гостях.

Вошел в дом. Ни души. Сел на нары, думает: «Старик сказал: «Не обижайте моего гостя!» Кто меня может обидеть? Здесь никого нет». Но зоркие глаза его замечают в дальнем углу кусок шелка. Шелк зашевелился. Стало невыносимо жарко.

— Умереть можно от такой жары! — молвил Эква-пыгрись.

Шелк зашевелился опять. Стало прохладнее.

— Теперь хорошо!

Шелк зашевелился в третий раз. Из-под шелка вышла девушка, поздоровалась и пошла на улицу. Принесла с улицы грудинку оленя, разрежала мясо и в котел кипящий опустила. И вот дымится душистое оленье мясо на блюде. На один край блюда кладет она женский нож, на другой — мужской со словами:

— Если пришел другом, ешь!

Как может Эква-пыгрись не отведать угощения?

Ночью старик приехал домой. Поев, попив, говорит:

— Я ведь тогда сказал: «Люди, не обижайте моего гостя!» Правильно, дочь, ты поняла мои слова.

Если человек —
Гость издалека,
Ты ему скажи:
«Вот моя рука!»

Усади за стол
С лучшей едой.
Одари его
Нежной теплотой,

Сердцем щедрым,
Словом с огоньком,
Чтобы стал родным
И ему твой дом.

* * *

Сила тебе для чего дана?
Подумай, дружок, погадай
Наказ мой другим передай
За слабого грудью вставай,
Упавшего поднимай.
Обездоленному помогай.
Радость не нарушай,
Счастье оберегай.
Сила тебе для того дана,
Чтоб расцветала твоя страна.

* * *

Я вышел на улицу. На улице играла вьюга. Уже третий день играла. Злым духом ревел снежный ветер, поднимая к небу снежные валы. В клубящихся волнах снега летали куски льда. Мелкая морозная пыль сплошной стеной мчалась куда-то мимо дедушкиной избушки. У меня захватывало дух от вихря, глаза слезились, руки в теплых меховых рукавицах коченели, ноги стыли...

И малица моя, моя теплая малица из теплого оленьего меха, плохо защищала меня от стужи полярной ночи... Мороз, кажется, вот-вот заморозит мое сердце, как одинокий куст...

И я думаю о маме, когда же она придет...

«Среди болота одинокий куст» —

Так говорят о доме одиноком,

В большом снегу застывшем,

словно грусть,

Которая дрожит сейчас у окон.

Всю ночь бушует вьюга у ворот,

Метет по склонам белым ветер низкий...

Когда же мамочка моя придет?

Я думаю,

как этот дом мансийский!

* * *

«Мамы нет — и дом твой не жильё!» —

Говорят так часто люди.

Сердце беспокойное мое

Словно тундра,

где полгода дня не будет.

Жизнь безмолвна:

ни радости, ни дум,

Ни сказки, улетающей к рассвету...

Стоит печально одинокий дом —

Один на всю огромную планету.

* * *

Приехала мама с охоты. С таежной речки привезла большую добычу.

Бабушка, дедушка, даже Кирилл радовались добыче, а я радовался тому, что приехала мама.

Приехала мама. Привезла с таежной речки хариуса, глухаря и много белок...

Харнус — крылатая рыба. Глухарь — крылатая птица. Белки — крылатые зверята. И у меня растут крылья. Но радуюсь я не белкам крылатым, не харнусу крылатому, не глухарю крылатому.

Радуюсь я маме. Приехала мама. Хорошо, когда дома мама!

Когда мама дома, хорошо.

Не страшны ни злые духи, ни вьюга, ни ветер, ни полярная ночь...

* * *

Слушай-ка, вьюга, ты душу не тронь —
Я сам разожгу веселый огонь!
Затра замолкнет твой ноющий голос,
Как покажу я свое ремесло:
Пламя взойдет, словно солнечный колос,
Людам земли обещая тепло.
Сказкою светлой я мрак разгоню,
Люди ладони протянут к огню.
Снежная музыка, пляшешь в ушах,
Но не навеешь сомнение и страх!

* * *

Воет ветер. Мороз ходит. Ночь стоит. Большая ночь. А мы не спим. В чувале весело горит огонь. Дедушка плетет гимгу. Бабушка подкладывает свежую травку в обувь. А мама моя сегодня будет рукодельничать. Руки ее все умеют: и ружье держать, и тонкую иглу...

Из берестяной коробки с узорами мама вынимает связку высушенных сухожилий. Из них она будет делать нитки. Эти нитки особые. Из оленя они. При разделке туши оленя с его спины и задних ног срезают связки, а затем обрабатывают...

Из связки мама берет небольшой пучок жил и кладет на порог дома. Тыльной стороной топора разбивает его на более тонкие пучки. Из них выбирает один и снова разбивает его бухом на еще более мелкие волокна.

В чувале огонь играет. Шипит пузатый чайник над огнем. Но я гляжу не на веселую игру пламени, а на мамины руки. Вот она берет не очень толстое волокно и начинает его выравнивать. Тонкой и ровной делает она жилку, несколько раз пропуская ее под лезвием ножа, прижатого к доске, и смачивая водой.

Шероховатую оленью нитку она пропускает сквозь зубы и делает ее совсем ровной.

Красной лисицей пляшет огонь. Искры огня, как звезды, летят. Но я гляжу не на огонь. Я гляжу на маму, на ее белые-белые зубы.

Очень тонкие волокна она скручивает руками в одно. Накладывая один конец волокна на другой, она скручивает короткие нити в одну длинную...

Я смотрю на мамины руки. Я помню их тепло. Мне кажется, что они были всегда, вечно, как небо, вода, земля. Я помню, как эти руки гладили меня по голове, как вытирали слезы с глаз, когда я плакал. Теперь я вижу, как они, мамины пальцы, ласкают оленьи жилы... И зачем она, моя мама, ласкает оленьи жилы, а не меня?

— Та большой стал, сынок, — говорит мама, — должен помочь мне. А то у меня только две руки, десять пальцев. С тобой у нас будет четыре руки, двадцать пальцев. Пальчики-то твои проворные, знаю. Ну-ка, сможешь ли ты готовые нитки сплести в косичку?

— Могу! — радостно говорю я. И заплетаю готовые нитки в косички. Потом привязываю один конец к косточке птичьего крыла. Птичье крыло служит крепилкой. Хорошая крепилка, крепкая крепилка. Из глухаринного крыла она. Помню это глухаря. Мясо было вкусное. Косточка его крепкая, гладкая. Сам ее обглаживал... А для чего — не знал. Оказывается, для натягивания ниток из оленьих жил.

— А почему ты, мама, плетешь разные нитки, одни толстые, другие тонкие?

— Разные нитки нужны. Для обуви толстые нужны, для одежды — потоньше, для вышивки бисером — совсем тонкие.

— Сухожильные нитки очень прочные. Они не боятся воды, не гниют. Сухожильные нитки, как крепкие люди, долго живут, долго служат людям.

Вслушиваясь в наш разговор, дедушка сказал так:

Красота рук по свету ходит.
Красота обладателя находит.

Но любой обладатель красивой вещи должен знать, что вещь делает мастер, человек, владеющий ремеслом...

Я люблю хлеб. Магазиновый хлеб вкусный. Однако его ма-

ло. Очень мало. Но больше всего я люблю домашний хлеб, который выпекает мама.

Печет в хлебной печке. Хлебная печка стоит на улице. Полуовальная, двускатная, стоит она на четырех ножках-столбах. Делал ее дедушка летом. Я сам видел. Сначала дедушка плел прутья, затем обмазал их глиной. У этой глинобитной печи трубы нет. Дым выходит через устье печи.

Вот мама уже зажигает печь. Смолистые дрова горят ярко, жарко. Мама долго вымешивала тесто. Часть его разливает на сковородки, а из другой части делает пироги с рыбой, с ягодами. Я больше всего люблю пирог с брусникой. Хотя пирог и без сахара, но он сладковатый. Когда ешь, пахнет лесом, водой, небом. Вкусно!.. Да вот долго его ждать.

Наконец дрова прогорели. Мама берет большую деревянную клюку с крючковатым железным клювом и загребаёт к дверце пылающие угли. Потом берет большую деревянную лопату. И на место, освобожденное от углей, ставит сковороды, в которых скоро зарозовеет хлеб... И пусть даже на улице мороз стоит. И пусть даже ветер играет. Скоро в печке будет хлеб, вкусный мансийский хлеб, пухнувший углями, морозом, ветром, тайгой, небом... Вкуснее мансийского хлеба я ничего не ел.

А может, хлеб тот был вкусный потому, что пекла его моя мама?

МАМИН ХЛЕБ

Без огня холодно.
Без хлеба голодно.
Не огонь греет,
А греет хлеб.
Каравай хлеба
Не свалился с неба.
Каравай хлеба
Мама пекла.
Мамин хлеб!
До седьмого пота
Мамина работа.
А чужой хлеб
Рот дерёт.
А чужой хлоб
Разжуёшь,
да не запоёшь.
Лучше чужих пирогов
Мамин хлеб.
Нет вкуснее в мире
Мамино хлеба!
Без хлеба голодно.
Без мамы холодно.

СОДЕРЖАНИЕ

Эква-пыгрись	стр. 3
Большая охота Эква-пыгрися	10
Дорога	21
Хотите жить — будьте мудрыми охотниками.....	23
Эква-пыгрись приводит рыб	25
Заповеди бабушки	30
Слово Эква-пыгрися	32

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

1	Астрономия
12	Биология
17	География
22	История
27	Литература
32	Математика
37	Музыка
42	Физика
47	Химия
52	Экономика
57	Юридические науки
62	Философия
67	Психология
72	Социология
77	Технические науки
82	Медицина
87	Сельское хозяйство
92	Искусство
97	Спорт
102	Обществоведение
107	Экология
112	Политология
117	Этнология
122	Лингвистика
127	Филология
132	Фольклор
137	Этнография
142	Этнолингвистика
147	Этноистория
152	Этносоциология
157	Этнополитология
162	Этнопедагогика
167	Этнопсихология
172	Этнофизиология
177	Этногенетика
182	Этнодемография
187	Этноэкология
192	Этнокультурология
197	Этнопедагогика
202	Этнопсихология
207	Этнофизиология
212	Этногенетика
217	Этнодемография
222	Этноэкология
227	Этнокультурология
232	Этнопедагогика
237	Этнопсихология
242	Этнофизиология
247	Этногенетика
252	Этнодемография
257	Этноэкология
262	Этнокультурология
267	Этнопедагогика
272	Этнопсихология
277	Этнофизиология
282	Этногенетика
287	Этнодемография
292	Этноэкология
297	Этнокультурология
302	Этнопедагогика
307	Этнопсихология
312	Этнофизиология
317	Этногенетика
322	Этнодемография
327	Этноэкология
332	Этнокультурология
337	Этнопедагогика
342	Этнопсихология
347	Этнофизиология
352	Этногенетика
357	Этнодемография
362	Этноэкология
367	Этнокультурология
372	Этнопедагогика
377	Этнопсихология
382	Этнофизиология
387	Этногенетика
392	Этнодемография
397	Этноэкология
402	Этнокультурология
407	Этнопедагогика
412	Этнопсихология
417	Этнофизиология
422	Этногенетика
427	Этнодемография
432	Этноэкология
437	Этнокультурология
442	Этнопедагогика
447	Этнопсихология
452	Этнофизиология
457	Этногенетика
462	Этнодемография
467	Этноэкология
472	Этнокультурология
477	Этнопедагогика
482	Этнопсихология
487	Этнофизиология
492	Этногенетика
497	Этнодемография
502	Этноэкология
507	Этнокультурология
512	Этнопедагогика
517	Этнопсихология
522	Этнофизиология
527	Этногенетика
532	Этнодемография
537	Этноэкология
542	Этнокультурология
547	Этнопедагогика
552	Этнопсихология
557	Этнофизиология
562	Этногенетика
567	Этнодемография
572	Этноэкология
577	Этнокультурология
582	Этнопедагогика
587	Этнопсихология
592	Этнофизиология
597	Этногенетика
602	Этнодемография
607	Этноэкология
612	Этнокультурология
617	Этнопедагогика
622	Этнопсихология
627	Этнофизиология
632	Этногенетика
637	Этнодемография
642	Этноэкология
647	Этнокультурология
652	Этнопедагогика
657	Этнопсихология
662	Этнофизиология
667	Этногенетика
672	Этнодемография
677	Этноэкология
682	Этнокультурология
687	Этнопедагогика
692	Этнопсихология
697	Этнофизиология
702	Этногенетика
707	Этнодемография
712	Этноэкология
717	Этнокультурология
722	Этнопедагогика
727	Этнопсихология
732	Этнофизиология
737	Этногенетика
742	Этнодемография
747	Этноэкология
752	Этнокультурология
757	Этнопедагогика
762	Этнопсихология
767	Этнофизиология
772	Этногенетика
777	Этнодемография
782	Этноэкология
787	Этнокультурология
792	Этнопедагогика
797	Этнопсихология
802	Этнофизиология
807	Этногенетика
812	Этнодемография
817	Этноэкология
822	Этнокультурология
827	Этнопедагогика
832	Этнопсихология
837	Этнофизиология
842	Этногенетика
847	Этнодемография
852	Этноэкология
857	Этнокультурология
862	Этнопедагогика
867	Этнопсихология
872	Этнофизиология
877	Этногенетика
882	Этнодемография
887	Этноэкология
892	Этнокультурология
897	Этнопедагогика
902	Этнопсихология
907	Этнофизиология
912	Этногенетика
917	Этнодемография
922	Этноэкология
927	Этнокультурология
932	Этнопедагогика
937	Этнопсихология
942	Этнофизиология
947	Этногенетика
952	Этнодемография
957	Этноэкология
962	Этнокультурология
967	Этнопедагогика
972	Этнопсихология
977	Этнофизиология
982	Этногенетика
987	Этнодемография
992	Этноэкология
997	Этнокультурология

Издатель «Белый журавль»

Главный редактор Юван Шесталов.

Сдано в набор 21.2.91 г. Подписано в печать 8.10.91 г.
Формат 60x84 1/16. 1,16 усл. печ. л. Тираж 10000 экз. Цена договорная.

Зак. № 317. Типография г. Выборга.

X

431642004

Окружная библиотека

